

Г. В. Романов
**Лыткаринский
маньяк**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Григорий Романов
Лыткаринский маньяк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Романов Г. В.

Лыткаринский маньяк / Г. В. Романов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Обычный студент случайно оказался в отделе полиции, не зная, что здесь ожидают натуральный переворот. Взбудораженная полиция принимает его за оппозиционера и провокатора, а церемониться с врагами тут не принято. Держись, студент! Содержит нецензурную брань.

*А вне – псы и чародеи,
и любодее, и убийцы, и идолослужители,
и всякий любящий и делающий неправду.
Откр. 22:15*

Дисклеймер. Для верящих в случайности и совпадения: все события выдуманы, все совпадения случайны. Это художественное произведение. Поехали!

В одном из районов крупного города, чуть не столицы, произошла нештатная ситуация. В местную думу пролез левый пассажир. Левый не в плане политических взглядов, а вообще, левый. Из партии чего-то гражданского: инициатив или платформы, не важно. Вышло это истинно случайно.

Кандидатом от Правильной партии баллотировался правильный и уважаемый человек, Юрий Владимирович. Нет, не Андропов. С другой фамилией.

Всю жизнь Юрий Владимирович посвятил служению России на ответственных государственных и муниципальных постах. В проклятые девяностые позанимался бизнесом. Естественно, ничего не нажил, поскольку был человеком честным, а таким бизнес денег не приносит. Только управленческий опыт приобрел. В общем – бесребреник. В декларации у него значились голая зарплата, комната в коммунальной квартире и гараж-ракушка.

Слава богу, жена и сын оказались талантливыми бизнесменами. И хорошо, что они не работали на государство. А-то б пришлось декларацию о доходах распечатывать в формате А3.

Были конечно, злые языки. Пытались увязать жирные подряды отпрыска с тем, что от имени бюджета их подписывает папаша. Но, это же глупость! Есть конкурсные процедуры: честные и прозрачные. Поэтому побеждают лучшие, а не свои.

Вот, ведь, интересно: с детей за родителей не спрашивают. А если сын за отца не ответчик, то с какой стати отцу за сына-бизнесмена отвечать? Им только гордиться можно.

Жена – да. Но, с ней Юрий Владимирович давно развелся. А что жить с ней продолжал вместе, так это объяснимо: не хотел возвращаться в коммуналку. Мало ли бывших супругов вынужденно маются на совместных квадратных метрах. Обещал, когда-то, Горбачев с ними покончить, да итог всем известен: не вышло. Правда, на трехстах квадратах, которыми счастливо владела бывшая, можно было месяцами друг друга не встречать. Наверно, только этим и спасались.

Ездить тоже приходилось на машинах экс-благоверной. Своей нет, а она их шесть штук накупила, а права так и не получила.

По традиции, Юрий Владимирович шел по партийному списку и по одномандатному округу. Соцпросы предсказывали ему порядка семидесяти процентов голосов и уверенную победу.

Выдвигали кандидатов и другие парламентские партии. Партии на слуху, а вот кандидаты, – сплошь безвестные личности. И непарламентские не отставали. Их представителей регистрировали пачками, создавая иллюзию политической конкуренции и честной борьбы за мандат.

Шли под пестрыми флагами, а на них: Партия инвалидов, Союз советских диссидентов, Благотворительный фонд «Дай денег!», Общероссийское движение «#ВсёНаше2014», Общество переживших девяностые «Саднящие колени России», Просветительский центр «Православные против легиона», Зоозащитная вахта «Сбережем кошачьи яйца Live».

Вру. Нет таких организаций. Но, те, что были...

И тут произошла катастрофа. Случайно выяснилось, что у супруги, в смысле, бывшей супруги Юрия Владимировича, есть любовник. Вроде, ничего страшного: она же бывшая и имеет право на личную жизнь. Но, экс-супруг оказался тонкой душевной натурой и за бывших переживал, как за родных.

То ли он желал для нее лучшей, достойной партии, то ли испугался, что она связалась с альфонсом и станет такой же бедной, как он, но сосуды в голове правильного кандидата не выдержали, и его хватил удар.

Выжил, курилка. Но, думское кресло рассчитано на целого, а не половину депутата. И не парализованной половине Юрия Владимировича пришлось с предвыборной гонки сняться. За два дня до голосования. Списочная часть от этого не пострадала: товарищи по партии продвинулись вверх, заменив собою выбывшего. А, вот, на одномандатном округе появилась нездоровая интрига. Теперь и лишних полпроцента могли стать для кого-то проходными.

И дорога во власть открылась перед неправильным кандидатом. Человеком, по фамилии Валежников. Звали его Александр или Алексей. Как именно, мало кто знал, потому что сам себя он называл Алексом, за которым могло скрываться и то, и другое.

Он был местный, что называется, плоть от плоти. Но, при этом, какой-то не укорененный в родной среде. Словно он свалился из города Парижу и видит все глазами сытого буржуа, вынужденного вдруг голодать.

Если сравнивал, то непременно с Европой и Америкой. Если приценялся, – исключительно в долларах и евро. А выпьет в компании, – хоть из-за стола беги! Ни традиций, ни особого пути, ни поиска виноватых и смысла бытия обсуждать не желает. Ему о вечном, а он об акцизах на бензин. Ему о сокровенном, а он про погасшую лампочку в подъезде. Трезвый-пьяный, – все у него об одном: больше работать, самим избирать, а с избранных – требовать. Одно слово: либерал.

Валежников был общественным активистом, довольно известным блогером и, незадолго до выборов, пробивал в администрации установку детской площадки. Сил ушло порядочно, бумаги – не менее трех пачек.

Пробил. Установили. Пришло время перерезать ленточку и поздравить жильцов с обновкой. Побывать человеком с ножницами пригласили Юрия Владимировича. Собрались журналисты, приехало телевидение, а хедлайнера нет!

Любимая собака, хаски Виола, заболела какой-то собачьей болезнью. И пришлось Юрию Владимировичу остаться дома, заботиться о четвероногом друге.

Но, событие не передвинешь, а пресса без сюжета не уйдет. И в кадр попал Валежников с рассказом о том, как он всего этого добивался. Рассказал жестко, неполиткорректно, но ничего! Обкорнали, отредактировали, – стал вполне сносным и лояльным. И вышли сюжеты, а в них Валежников, с рваной, но правильной речью.

Немногие смотрели местное телевидение, но дело, повторюсь, было в нескольких процентах, если не долях. И на этой хилой и мимолетной славе он их добрал. Выиграл с отрывом от ближайшего конкурента в семь десятых процента.

Поначалу, его приход во власть прошел незамеченным, хоть он и выглядел в Думе белой вороной: в местном храме его никто не видел. На шествии бессмертного полка он замечен не был. Концерт, организованный мэрией по поводу годовщины возвращения Крыма в родную гавань, проигнорировал. Когда волонтеры ходили по квартирам, собирая деньги детям Донбасса, вообще не открыл дверь.

Впрочем, не велик грех. Перестроится можно за один день. На это и надеялись.

Вице-спикер думы и, по совместительству, глава районного отделения Правильной партии, уже в первую неделю работы, подошел к нему с соответствующим предложением: мол, заканчивай с глупостями, вступай в настоящую партию и занимайся правильными делами. Валежников рвать рубаху на себе не стал. Ответил мирно, без наездов, но твердо: Нет.

Получалось, враг уже внутри. Можно плюнуть и забыть, – он не первый и не единственный, кто топтал оппозиционную поляну. Активистов и критиков власти без него было достаточно.

Одни заполнили соцсети, вели блоги и ютуб-каналы. Рассуждали на политические темы, сясь родить сносную аналитику. Затевали расследования, выдавая за фактуру домыслы и отсебятину.

Те, что с юмором, добивали пробелы шутками и хлесткими фразами. Без юмора – занудствовали для полутора десятка подписчиков.

Были полевые игроки: устраивали митинги, пикеты, шествия. И все, вроде хорошо, но все как один обладали такой мутной биографией, что на звание совести нации совершенно не годились.

На их фоне, Валежников смотрелся настоящим колоссом. Ютуб-канал у него был добротным и интересным. Максимум фактуры, минимум пустых рассуждений. И с юмором все в порядке, но, в тоже время, все по существу. Депутатский статус и доступ к ранее закрытой информации улучшили его качество пуце прежнего.

И на улице он был своим. Все мог объяснить и обосновать, с людьми общался запросто, провокаторов отшивал элегантно, камеру и микрофон чувствовал прекрасно.

Другое дело, что камеры и микрофоны, мягко говоря, за ним не гонялись. Скорее подсматривали и подслушивали из-под тишка, в поисках компромата. А то, чего нет в телевизоре, считай и в природе не существует!

Поэтому, удостоверение депутата в кармане завелось, а ничего особо не изменилось. Запросы Валежникова либо сразу отправляли в корзину, или отписывали клеркам, которые есть, наверное, в каждой конторе: профессиональным графоманам, неисправимым любителям писать.

Ответить менее, чем на трех листах, они считают ниже своего достоинства. Но объем – единственное, над чем тут по-настоящему трудились.

Абзацами и главами копируют местный Устав, федеральные и региональные законы, постановления администрации, распоряжения департаментов и отделов. И все это – без какой-либо привязки к поставленному вопросу. А в конце – неизменное и до боли знакомое: «Принятое решение вы вправе обжаловать в суде».

Что обжаловать? Выдержки из законодательства обжалованию не подлежат, а никакого ответа, по сути, нет!

Все-таки, Валежников добирался и до судов, подавая иски в интересах своих избирателей. Хорошо, если выигрывал одно дело из десяти. Остальное тонуло в тягучей процессуальной трясине и отсутствии профильного образования.

Полезные для общества дела, которыми занимался Валежников, не снискали ему ни великой любви, ни подлинного уважения. Граждане верили скорее газетным уткам, чем очевидным улучшениям и добрым намерениям своего представителя.

Поговаривали про него разное. Например, что никакой он не Валежников, а Валежник, еврей. А окончание «ов» приписал его дед или прадед, когда паспорта были проще и достаточно было туши, пера и чутка таланта, чтоб сменить и фамилию, и национальность.

Отсюда дальнейшие умозаключения: мировой сионистский заговор, кровь младенцев в пасхальных опресноках и Третий храм Соломона на месте Московского Кремля.

Другие утверждали, что он внук бандеровца и полица, который, накануне казни, завещал своим потомкам ненавидеть тогда еще СССР. И, с тех пор, все его отпрыски мужского пола, в день совершеннолетия, накалывают слово «Россия» на причинном месте из пакостных и похабных побуждений.

Никаких доказательств у этих теорий не существовало. Но, когда это слухам требовались доказательства! Такие взгляды были, однако, крайними. Основная часть электората относилась к ним, скорее, с юмором.

Большинство сходилось в другом: активен он какой-то нездешней активностью. Нет, никто не против чистых дорожек и ухоженных газонов. Все приветствовали и детские площадки, и работающие лифты. И ворюги-чиновники всех достали. Да и коммунальщиков люди недолюбливали, чего уж! Но, сами способы, которыми действовал Валежников, были глубоко чужды.

Вот, если бы все это спустилось сверху, директивным указанием... Или стало следствием усилий какого-нибудь чрезвычайного фронта, отмобилизованного, опять же, сверху. Да что там! Достало бы просто призыва, воззвания к гражданам с высокой трибуны, и они сами б, и дорожки почистили, и детских каруселей настроили.

Но, эта низовая активность... Словом, никто не верил, что дело в газонах и лифтах.

Сам Валежников о дальнейших политических амбициях не высказывался. Был слишком умен или просто не имел таковых. Но, это было и не нужно.

Бесчисленные политологи и обозреватели, исследователи и блогеры, представители второй древнейшей профессии и просто сплетники выдумали и раструбили все амбиции за него: парень, никак не меньше, метит в президенты! И картину его будущего президентства тоже расписали в красках. Безрадостных, разумеется, поскольку был в его биографии один подлинный, настораживающий эпизод.

В конце девяностых, когда враг был еще не у ворот, а спокойно жил у себя, за океаном, Валежников стал участником международного форума: ни то айтишников, ни то экономистов. Там он удачно выступил или чем-то еще приглянулся устроителям, и они предложили ему годовую стажировку в одном из ведущих британских университетов, со стипендией и полным пансионом.

Валежников, не будь дурак, согласился и целый год слушал лекции заморских интеллектуалов. О чем эти лекции и чем он там занимался, сам стипендиат рассказал чуть не по дням. Но, его версия рассматривалась в последнюю очередь. Добровольные глашатаи чужих амбиций и здесь поработали на славу.

Общество смотрело на него, в целом, равнодушно. Кто побогаче – чуть с раздражением. Кто победнее – с интересом, но тоже чуть. Все любят стейки, но никто не хочет смотреть, как разделяют корову. И не только смотреть, знать об этом не желают. Правда, стейк становился все более похожим на подошву от ботинка, а лица мясников все довольней и круглее, ну да ладно. Хорошо, хоть такой еще дают.

И тут вылезло реальное шило: к несильно удачливому борцу за правду подтянулась молодежь.

Эти горячие сердца, еще не успевшие понять, в каком месте им довелось родиться, живо отозвались на его расследования. Потянулись к депутату, предлагая свою помощь, сэкономленные на обедах наличные и главное – свою энергию и веру в возможность перемен. А поскольку,

со своими идеалами, Валежников сам недалеко от них ушел, союз оппозиции с молодостью состоялся.

То, что отпугивало взрослую аудиторию: нездешний активизм, не в меру свободные взгляды, пресловутая стажировка в тылу врага, все это только притягивало к нему юных.

На базе приемной открылся штаб, вскоре перешедший на круглосуточную работу. А сама работа буквально закипела.

Под возросшие объемы, депутат взял в помощники пару разнополых юристов. Премудрых, но жутко неприятных, чисто по-человечески. Оба картавые и оба Валентины. В приличные места их на работу не брали, а тут как по писанному получилось: камень, что отвергли строители, тот самый встал во главу угла. Вот они и встали.

Начались совсем другие суды. Теперь, стоило кому-то подвернуть ногу на скользком тротуаре или удариться лбом о косяк в неосвященном тамбуре, как в суд летел иск, а следом Валентины: занудные, дотошные, тошные... но грамотные! Капля по капле, и заскорузлый камень правосудия стал поддаваться. А от мелких претензий Валежников с компанией перешли к крупным искам, где тоже преуспели.

Дошло до того, что Артур Самвелович, хохмач и жизнелюб, в общем, отличный мужик, владеющий через офшор Управляющей компанией «Уютный двор», вынужден был полететь на сайгачью охоту не на собственном вертолете, а первым классом Калмыцких авиалиний.

И вот, когда стюардесса наотрез отказалась подать ему любимый Хеннесси, в этот самый момент он решил: дальше так продолжаться не может.

Ничего смешного здесь нет. Когда эти хохмачи и жизнелюбы принимают подобные решения, впору обзаводиться новой биографией, внешностью и эмигрировать на другой конец планеты. И делать это поскорей. Возможно и Валежников сделал бы тоже самое, если б знал. Но, ему не доложили, а тучи-то сгустились.

Сначала полыхнул депутатский автомобиль – новенькая Киа, просто созданная быть семейной любимицей. Дотла сгорела, намекнув владельцу, что и он, хоть и состоит на семьдесят процентов из воды, запросто может повторить ее судьбу.

Ничего, пережил без последствий. Оказалось, машину он застраховал, в том числе и от поджога. В итоге, Валежников обзавелся новой, которую теперь демонстративно ставил под камерами, у здания думы.

Еще одна каверза случилась у бара, в котором депутат, по пятницам, любил пропустить пару-тройку кружек пива.

Отсидев за стойкой положенное, он вышел на улицу и стал свидетелем драки, устроенной атмосферными персонажами в адидасовских костюмах.

План был простой: при появлении Валежникова, свара должна переместиться поближе к нему, увлечь несчастного и закончиться тяжкими телесными, а может и пером между депутатских ребер.

И времени это требовало немного, но какого-то, все-таки, требовало. Хитрый депутат пацанам его не дал. Поразительно быстро сообразил, что дерущиеся не имеют больших претензий друг к другу, зато имеют их к нему. И, несмотря на хмель, без раздумий, прямо с порога пустился убегать.

Драка сразу прекратилась, но к такому развитию хулиганы были не готовы. Момент стартовать вдогонку был упущен.

Заинтересованные лица сняли происшествие на смартфон. Очевидно, Валежников повел себя неправильно. Как-то не так, не по-мужски, что ли.

Специалисты из отдела информации и связям с общественностью местной администрации взяли запись в работу и устроили мозговой штурм. Накреативили громких заголовков, едких комментариев в том смысле, что вот, народный избранник, вместо помощи пострадавшим, пустился наутек. И какой же он, после этого, борец за справедливость и вообще, какой он, после этого, мужик!

Начали монтировать сюжет, готовить методичку... но, в итоге, признали затею пустой. Кадры удирающего депутата – это конечно здорово, но недостаточно для сенсации.

По закону жанра, за ними должны следовать подбитые лица избирателей, обманувшихся в своем выборе. Но, побитые оказались столь одиозными типами, что записать их в потерпевшие никак нельзя.

Возникла идея снять подставных. Хорошо, не успели. Выяснилось, что инцидент заснят еще с двух точек: камерой самого бара и каким-то студентом на улице. Первую изъяла полиция, и она, в принципе, могла бы исчезнуть. Но, вот, вторая... Увы, попала прямо на ютуб и двоякого толкования не предполагала.

Ничего не получилось и в методичке рекомендовали об истории забыть. А депутат стал заказывать пиво себе на дом.

Повторно эту сценку пытались разыграть в парке, где Валежников бегал по утрам. В этот раз злые гопники драться не стали, а мирно расположились на лавке, поджидая депутата на его маршруте. Утро было прохладным, парк – пустым, спасение – невозможным. Так, по крайней мере, казалось. Так нет! Что-то выдало ребят.

Может, их манера сидеть на спинке, поставив ноги на сидение. Или эти злосчастные три полоски на мастерках. Пади, знай! Но, увидев их издали, Валежников развернулся и побежал в обратную сторону.

Пацаны, с досады, выбили ногами несколько досок и ушли ни с чем, возвращать заказчику скромный аванс. А Валежников бросил клич в соцсетях и превратил утреннюю пробежку во флешмоб. Желających бегать с ним набралось немало, и эта лавка, получается, тоже закрылась. Время полумер закончилось.

Осведомленное общество замерло в ожидании. Теперь только пуля, выпущенная откуда-нибудь с чердака, могла заткнуть этот гейзер критиканства.

Те, кто знал Артура Самвеловича покороче, отводили депутату на этом свете не более месяца. Но, время шло, а Валежников был до безобразия жив, здоров и бодр. И активен, разумеется.

Стал сдавать Самвелыч! Так постановили о нем посвященные.

Эти события не образумили депутата. Наоборот, словно подзадорили его. Следующей жертвой стали Концессии теплоснабжения, признанные на одном из экономических форумов лучшим образцом частно-государственного партнерства.

Валежников бравады экономистов не разделил и начал доказывать: государственного интереса тут ноль, а частного столько, что теплотрассы, на эти деньги, можно заново переложить несколько раз. Вспомнил крепостное право, проведя параллель: Концессия-барин – население-холопы.

Выпустил несколько обстоятельных исследований, в которых на пальцах разъяснил: двадцать лет владения сетями принесут концессионерам миллиарды. За такие деньги, где-нибудь в Китае, строят города-миллионники на ровном месте.

Раскрыл имена подлинных интересантов. И конечно, население в их списке не значилось. Значились уважаемые люди из департамента ЖКХ и какое-то продувное жулье: оффшоры, фирмы-однодневки, в хлам проворовавшиеся директора УК. Ни одного с профильным, техническим образованием. Как один, все с судимостями, шлейфом из растрат, афер и скандалов.

Усилия депутата завершились относительной победой. Концессионное соглашение не расторгли, но заморозили фактическую передачу сетей на неопределенный срок.

Собственно, хоть так. С оговорками можно записать в актив.

Потом Валежников прицепился к водоканалу. Здесь концессия была ни к чему, поскольку он давно находился в частной собственности, будучи монополистом, свирепым, как лев.

Единственное, что мешало ему раскрыть пасть на полную, это госрегулирование тарифов – жуткая глупость и ветхий анахронизм.

Чиновники в энергетической комиссии были своими людьми. Всегда шли навстречу, но прыгнуть выше головы не могли: за тарифами присматривала федеральная власть и излишеств не одобряла. Вопрос социально значимый и мог спровоцировать напряженность в обществе.

Но, денег-то хочется, и родилась идея: инвестпрограмма. Удачным в ней было все, начиная с названия. Инвестиции! Кто, в здравом уме, может выступить против них?

На телевидении запустили сюжеты о состоянии дел в царстве водопроводных труб. Из них следовало: в девяностые водоканал не был присвоен ушлыми проходимцами за копейки. По тем временам он вообще имел отрицательную стоимость. Сплошные долги и амортизацию.

Водоснабжение приобрели в собственность альтруисты. Ничего, кроме убытков, они не видят и работают чисто за идею, ради всеобщего коммунального блага. И дальше б работали, но вот беда: износ подошел к критичным семидесяти процентам. А обновлять коммуникации некому и не на что. Коромысло, колодец и ведро ждут нас всех в недалеком будущем.

А выход один: инвестировать. Навалиться всем миром и отвести беду, как заведено на Руси издревле. Красиво, модно, исторично. В духе одновременно и рынка, и соборных традиций. А уж как рентабельно, сказать страшно.

Цифра в платежку добавлялась небольшая, но, помноженная на количество плательщиков и срок действия программы, обростала несметными нулями. Просто, вау, как круто!

И тут в дело вступил Валежников. И опять его чертовы расследования. Оказалось, долгами и амортизацией водоканал оброс при новых собственниках, а в девяностые блестел, как начищенный самовар и стоил, как парк из новых аэробусов.

Рассказал о состоянии альтруистов, чем владеют они и их родственники. Так, что само слово «альтруист» превратилось в издевательство.

А подытожил в своем заморском, эгоистично-рыночном духе. Раз, говорит, мы все теперь инвесторы, значит все должны быть и его совладельцами. Акционировать контору, акции сделать именными и раздать всем плательщикам коммунальный платежей, пропорционально оплачиваемым квадратным метрам. О-как!

Даже суд по этому поводу затеял. Проиграл, но нервов и крови людям попортил. Прилично потрепал.

Все сферы общественной жизни Валежников прошупал основательно. Испытал, так сказать, на прочность.

В общем, к концу депутатского срока, линия фронта выровнялась. Стало ясно, что можно изменить, к чему подступаться бесполезно, а к чему и небезопасно. Да и сама война подходила к концу.

Через полгода полномочия Валежникова истекали, а новый срок ему не светил, потому что от Правильной партии собрался выдвигаться правильный и уважаемый кандидат, Борис Николаевич. Нет, не Ельцин. С другой фамилией.

У него и бывшая – честная женщина, и сосуды с нервами – крепкие. И Валежников ему не конкурент.

Так что, сиди, депутат, на попе ровно, досиживай и отправляйся обратно, в киберпространство. Есть у тебя двадцать тысяч подписчиков, вот их и развлекай своими разоблачениями. Многие хотели сказать ему именно так.

Но Валежников, ох уж этот Валежников! Не захотел досиживать ровно и перешел в последнее свое наступление. Напал на районный отдел внутренних дел!

По сравнению с гражданскими чиновниками, полицейские находились в более выгодном положении. От неудобных запросов они отгораживались грифом ДСП, а от инспекций активистов – внезапно введенным планом «Крепость». Но тут, в обороне образовалась брешь.

Поводом для наезда стал пустяк: некий местный житель, убежденный любитель выпить, находился в ОВД и получил травму. С переломом свода и основания черепа его доставили в больницу, где он скончался, не приходя в сознание.

Его супруге и соратнице по истреблению спиртного объяснили: муж травмировался сам, никто, кроме судьбы, не виноват и... вот! Так себе объяснение, но ее устроило.

Все подумали, – пронесло. Ни фиги!

Оказалось, сын, уродившийся не в них: успешный молодой человек, живущий в другом городе, – застраховал родителей на круглую сумму в крупной страховой компании. Там изучили документы на выплату. Потом протерли очки и еще раз изучили. Полицейская версия не прошла, и разразился скандал.

История получила огласку. Подключились активисты, правозащитники, и, наконец, Валежников собственной персоной. Началась гуманитарная тягомотина.

Жена покойного, из довольной жизнью выпивохи превратилась в скорбящую, безутешную вдову. И потерян был уже не постылый собутыльник, с которым, наконец, не надо делиться водкой. Утрачен обожаемый супруг, кормилец семьи и смысл всей ее жизни.

Пошли-поехали щемящие душу интервью, за которые давали немного денег. Неожиданный заработок и своя минута славы быстро вошли у нее в привычку, а наигранные страдания вышли в тираж.

Она оказалась неплохой актрисой (талант-то не пропьешь!) и достучалась до сердец обывателей. Домохозяйки пускали на кухне слезу. Главы семейств играли желваками, глядя с ненавистью в одну точку.

Общество отреагировало, и на историю обратили внимание депутаты Правильной партии. Вынуждены были обратиться. Раздались тревожные сигналы из прокуратуры и следственного комитета: Решайте вопрос. Или решим мы и уж тогда – не обессудьте.

Деваться некуда, стали решать. Рабочую версию пересмотрели. Теперь алкоголик пришел в отдел сам, уже смертельно травмированный.

Появилась экспертиза, согласно которой, с полученными телесными повреждениями он мог жить и оставаться в сознании от полутора до двух часов. Мог ли он при этом передвигаться, эксперты умолчали.

Чего стоило получить эту экспертизу, можно только гадать. Но, скандалисты не успокоились. Набрали в подельники цвет медицинской мысли вместе с главным патолого-анатомом области и потребовали эксгумации.

И тут их всех ждала настоящая вишенка на торте: в разрытой могиле, лежал неизвестный, подгнивший гражданин, без кистей рук, но с абсолютно целой черепной коробкой.

Общественное мнение встало на дыбы, превратилось в общественную истерику.

В итоге, полиция осталась стоять на своем: кладбищенская история их вообще не касается, а алкоголик пришел к ним сам, уже с проломленным черепом. Не понятно только, почему последние часы жизни он решил провести именно в райотделе, явившись туда добровольно, для составления протокола на себя же самого. Но, спросить было не у кого, а не пойманный не вор. И не убийца.

Постепенно страсти стихли. Правоохранители поработали с активистами в индивидуальном порядке и большинство сменило тему. Не унимался только Валежников.

Правильные СМИ обвинили его в пиаре на крови и обозвали некрофилом. Но, он эти эпитеты пропустил мимо и продолжил активность.

Остаток депутатского срока он посвятил идее реформирования местного ОВД: предлагал сделать его начальника выборным, по примеру американских шерифов и учредить при отделе общественный совет.

Затея пустая, поскольку не районного уровня. Оно и на федеральном никто бы не вписался. Слава богу, у нас не Америка с тупой демократией. А общественные советы давно существуют при главках. Состоят в них, основной частью, пенсионеры МВД. Никому не мешают и неудобных вопросов не задают. Заседают периодически, вспоминают молодость, хлопают по плечу «сынков», вручая им грамоты и благословляя на дальнейшие подвиги.

На кой сдался филиал этой богадельни в районе, знал только Валежников. Да и он, скорее всего, не знал. Надеялся, по простоте душевной, что там заведутся гражданские активисты.

Хотя, дотошные комментаторы сомневались в его слабоумии, усматривая в инициативе депутата либо будущую предвыборную программу, либо личную вендетту. А говоря о вендетте, вспоминали про дедушку-бандеровца, так как других причин для неприязни отыскать не смогли.

Со своей идеей-фикс Валежников несколько раз обращался в ГУВД и имел аудиенцию у генерала. Добрался даже до министерства, побывав на приеме у замминистра. Там его внимательно слушали, вежливо кивали, а проводив, крутили пальцем у виска.

California drBling – напевал замминистра после его ухода, а начальник главка просто матерился, без мелодии и рифмы.

В общем, оборону пока держали, но обстановка была нервной. В этой обстановке, прямо в райотделе, все и произошло.

Осажденный ОВД находился на окраине города, в социально гиблом месте. Вокруг серая, панельная застройка. В основном общаги, которые ни с чем не перепутаешь по отсутствию пластиковых окон и облезлой штукатурке в тех местах, за которыми скрывались общие санузелы и душевые.

Нездоровая атмосфера повлияла даже на растительность. Деревья и кусты росли здесь не вверх, а в бок, вкривь и вкось, словно преодолевая невидимые силы, давящие их книзу. Земля неохотно принимала в себя их корни, и они, как узловатые стариковские пальцы, расплзались по поверхности, цеплялись за края бетонных обломков и арматур.

Только тополя на все плевали. Торчали ровными свечками, напоминая аллергикам про грядущий май. Но, не только аллергики страдали. Страдали все и круглый год.

Именно эти тополя облюбовали вороны, в несметном количестве летавшие питаться на свалку, с одного конца города на другой. Здесь пернатые устраивались передохнуть и опорожнялись на все, что было внизу, сопровождая процесс своим бесподобным: «Кар-р-р!».

Принимать теплотрассы земля вообще отказалась. Они шли сверху, обмотанные расслоившейся стекловатой, делая услужливые изгибы над въездами во дворы. Сохранившаяся, местами, жестяная обшивка блестела на солнце, отполированная задницами местных пьянчуг.

Дороги, считай, отсутствовали. Когда-то, при царе Горохе, в их качестве уложили бетонные плиты с поверхностью в сеточку. Тогда было неплохо, но время прошло, плиты раскрошились и лопнули. Местами провалились, местами встали раком. Получился отличный трек для мототриала и непроходимая, каменистая пустыня для машин.

Так что, какой-нибудь Некрасовский крестьянин почесал бы голову, да и признал: его-то колея, поровнее будет!

Среди этого уныния, райотдел смотрелся даже и неплохо. Построен в середине восьмидесятых и сразу в целевом исполнении. В смысле, не был приспособлен из заброшенной школы или детского сада.

На полный капремонт денег никогда не было. При каждом новом начальнике, в работу бралась какая-то часть здания и ремонтировалась по его вкусу, доступному бюджету и дизайнерскими трендами соответствующего периода.

При одном обшили сайдингом первый этаж. При другом соорудили крыльцо с черепичной крышей и заменили входную дверь. Третий вставил приличные окна на втором этаже. Следующий положил линолеум, с красавенными, лакированными плитками на третьем.

Текущее руководство облагородило дежурную часть. Теперь у них был ламинат, светло-зеленые панели на стенах и подвесной потолок.

И при всех, без исключения, начальниках рос все выше и становился все капитальнее забор.

Пытливый наблюдатель мог бы проследить здесь историю строительной моды и наполнить иллюстрированный атлас. Но, только видами снаружи. Внутри отдела съемка была запрещена.

Раз он такой красавец, к ОВД периодически пытались подтянуть сносную дорогу. Всегда без результата. Земля тут исповедовала бодипозитив и сомнительные улучшения отторгала, ибо нехрен!

Хотя, может, зря я так на землю. Инженерная мысль утверждает, что под асфальтом должен лежать какой-то щебень, а под ним еще что-то. Жонглирует терминами: фракции, гидроизоляция, дренаж и покатый профиль.

Представить не могу, зачем все это нужно. И полицейские начальники тоже не представляли. По их замыслу, асфальт обязан намертво прилипнуть к дорожной пыли и лежать на ней вечно.

Дело за малым: убедить в этом асфальт. Но он, через два-три месяца, пускался в бег. Хоть в розыск его объявляй!

Теперь вид изнутри.

Обычный отдел, первичное подразделение органов правопорядка. Не хуже и не лучше остальных, все по среднему.

По количеству надзирающих и контролирующих лиц подобен нижнему листу в пачке офисной бумаги. Число им – бесконечность. Имя – легион.

Повсеместно и у всех полицейских это называется одинаково: работать на земле.

Земля... Земля проклята бессонными дежурствами. Изъезжена, по службе, личным автотранспортом. До мозолей истоптана форменными ботинками.

На ней рассыпаны короткие, золотистые гильзы. Не однажды, она впитала крупные, алые капли.

В нее закопан быт, зарыты праздники и выходные. В ней похоронены больничные и отпуска.

Зимой она холодная и мерзлая, летом – горячая и пыльная, в демисезон – грязная и липкая. Земля ужасна!

Но, исключительно и только здесь растут сочные ягоды и сладкие корешки, которых не вырастить в чопорных кабинетах ГУВД и эмалированных министерских кадучках.

Лишь тут вызревают и водятся эти дивные плоды:

Одинокие бабули в трехкомнатных квартирах, словно робкие моллюски в прекрасных раковинах. Наслаждаются тишиной и безвестностью. Посвящают вежливого участкового в подробности приватизации. Сетуют на отсутствие наследников.

Перезрелые колосья бизнесцентров, туго набитые семенами-предпринимателями. Мутят с бухгалтерской отчетностью. Отдают на налоги мякину, складывая жито в закрома. Пересчитывают влажными пальцами купюры в пачках, задвинув плотные жалюзи.

Невзрачные ангары и склады, подобные кедровым шишкам. Скрывают под чешуйками питательные ядра санкционки, неучтенки, контрафакта. Благоухают пряной контрабандой.

Сырые, комариные подвалы, прикинувшиеся пустыми норами. Но, влезь поглубже, – мясистые клубни безакцизного алкоголя. Сладковатый, осетинский спирт. Многоцветие фальшивых марок, ярлыков и тары.

Рынки-муравейники с шапками воцеленных яблок на прилавках. А в потаенных подсобках роются нелегалы-муравьи. Вымачивают тухлятину в марганцовке. Деловито фасуют просрочку, источая зловонные феромоны. Набело зашивают в одежду черный нал.

Серые гаражные боксы, как пчелиные соты, прикрытые сверху крышечками. Приподними – каплями меда блестят запчасти от угнанных машин. Личинки пластиковых канистр с прекурсорами амфетамина. Фиолетово-розовые, висячие сады гидропоника.

Земля прекрасна! Свирепой матерью, сначала оберет. Не сразу и не всем открывает свои богатства. Но терпеливым и смекалистым откроет обязательно. Все возместит и ни в чем не обидит. Конечно, в пределах объективного плодородия.

Зов земли – страшная сила. Именно им объясняется удивительное явление должностного дауншифтинга. Когда крупная шишка в главке, стоящая несколькими порядками над начальником ОВД, страстно мечтает о понижении до его уровня и даже ниже, до начальника отделения.

Что сказать, там их корни. Недовыкопанные.

Вот и этот ОВД, как патриархальная крестьянская община, возделывал свою землю. А с плодородием-то была беда. Урожайные культуры: крупные рынки, вокзалы, офисные центры, производства, бизнес, – не прорастали здесь принципиально.

Росли сплошь сорняки: наркоманы, хулиганы, гопота и пьянь. И, бескрайней степью, жидко зеленела бытовая преступность, которую, сколько не вари в кастрюле, никакого навару не увидишь.

Тем, для кого это важно, не грех посочувствовать.

Но, у местной худосочности была и обратная, положительная сторона: никто тут не прирастал задом к креслу.

Случайные люди быстро отсеивались. Неслучайные старались поскорее сделать карьеру и уйти на повышение. А когда уходили, не испытывали никакой тяги к корням.

Как организм со здоровым метаболизмом, за пять-шесть лет отдел почти полностью регенерировал. А костяк коллектива был профессиональным и сработанным, с правильной мотивацией.

В отсутствие культурных сортов, они добывали другой урожай: палки и галки.

Были сработанными, но, не были дружными.

Дружба. В полиции она реальна, как в любых других местах. Но только в индивидуальном порядке. А между службами и подразделениями никак не клеится. Как лебедь, рак и щука, они тянут один воз, но каждый на себя. Часто за счет и в ущерб другим.

Да и служба у всех разная. Одни условно кайфуют, другие упираются, третьи вовсе – не видят света и страдают.

Подлинный мученик и страдалец ОВД, безо всяких кавычек, это отдел ПДН. Тот, который по делам несовершеннолетних. Как инспектора там работают и выживают, одному богу известно.

По службе, они отвечают за то, к чему вообще не имеют отношения. Например: растет, взрослеет мальчик-одуванчик или девочка-припевочка. Носят из школы пятерки, вечерами танцуют польку в ДК, и все на них не нарадуются. Потом – бах! Пубертатный период. Придурь бьет по голове, и они дубасят одноклассников. Выясняют, что внутри у бездомной собаки или прут товары с полок просто так, из живого интереса.

А отвечает... Правильно, инспектор ПДН. Как он должен прозревать их замыслы, неизвестно, но известна мантра – профилактика. Она, как инвестиции – высшая ценность и смысл всего сущего. Случилось, значит она хромала. Хромала – получите выволочки и взыскания.

Впрочем, визионерство и учет им тоже не помогают. Из доступных профилактических инструментов лишь разговоры в пользу бедных. Ни дать подзатыльник малолетнему подонку, ни даже наорать на него невозможно. Любое общение – в присутствии родителей или опекунов. От них же, потом, клевета, претензии и жалобы. И никогда, никакой благодарности. Ни от кого!

ППС. Эти непосредственно соприкасаются. Настоящая пехота: патрулируют, первыми прибывают, догоняют, пресекают. При них дубинки и наручники и все не для скуки. Стреляют, слава богу, редко.

Умом не блещут ввиду молодости, отсутствия опыта, а более того, от современного ненавязчивого образования. Рапортам и протоколам, которые они сочиняют, место не в ведомственных подшивках, а в потрепанном портфеле старика-Жванецкого! Так и вижу его съехавшие на кончик носа очки и ошалелый от прочитанного взгляд.

Жаль, что нет сюда допуска у филологов. Если б кто задумал составить энциклопедию маразма, удачнее материала бы не сыскал.

Тестирующие их при приеме на службу психологи потом передают анкеты друг другу с соответствующими комментариями. Но забраковать не могут: кто работать тогда будет?!

Есть отделы, в центре города, так там люди с должности ППСника на пенсию уходят. Под прощальные тосты, реально, с лычком на погонах! Там эту работу есть за что любить. Здесь же это самое дно. Старт для одних, быстро поумневших по ведомственным стандартам, и финиш для других, по всем стандартам безнадежных.

ОБЭП. Их слава не просто бежит впереди, – скрылась за горизонтом, утратив всякую связь с реальностью. Считается, они дико богаты и коррумпированы. Держат за мошонку бизнес и тот, по первому требованию, осыпает их золотом-брильянтами. Еще умны, хитры и изворотливы.

Возможно, где-то так и есть, но здесь – почти все мимо.

Фронт работ отсутствует, а без него нет профита. Какой здесь бизнес? Пустота! Несколько крупных торговых сетей, но ключевое слово «крупных». Вопросы решают не здесь, не выше, а вообще в других ведомствах. Полицейских, тем более местных, на порог не пускают. Только если с витрины украли колбасу.

Поэтому, из перечисленных качеств, лишь изворотливость и хитрость реальны. Без них не разглядеть в банальной краже признаков растраты, а в тупости и безалаберности – квалифицированного мошенничества. Не убедить в их наличии осторожного следователя и дотошного прокурора.

И палки их, не столько заработаны, сколь отжаты у других подразделений с чуть переписанной фабулой. А потом навязаны и втюханы органам предварительного расследования.

Штаб. Прошу не путать с военным аналогом, поскольку общего – ничего. Они соприкасаются с драгоценной статистикой. Планируют и расписывают операции, давно спланированные и расписанные до них. Как служащие банка, ежедневно трогают и видят, но не имеют отношения и не несут ответственность. Если, только, за описки и помарки.

На любом совещании, с них первых спрос и никаких, при этом, претензий. Из-за этого их гладко выбритые лица лоснятся и излучают непривычное жизнелюбие и оптимизм.

Штабной работник, – без пяти минут гражданский служащий. Уйдя на пенсию, он не сидит охранником в супермаркете, а всплывает в самых неожиданных местах: Владелец мясного ларька на базаре. Штатным помощником депутата заксобрания. Начальником транспортного отдела в цирке. Один вообще, нарисовался на трассе, сутенером при дорожных плечевых.

Страшно представить, о чем они думают, склонившись над штабными документами. Но, очевидно, видят они дальше и шире остальных.

Служба участковых. С момента учреждения, от них все время ждут чудес. Что ни реформа, – усиливают, мотивируют, перевооружают и доукомплектовывают.

Отцы-основатели, мечтатели и идеалисты, отводили им роль милицейского аналога семейного врача. Потекли сопли – к доктору. Буянит сосед – к нему.

С ветхих шестидесятых и поныне, они должны всех знать на участке, вести учеты и профилактические беседы, быть в курсе слухов, сплетен и готовящихся преступлений.

Возможно, так оно и есть, но спросить не у кого. Невозможно установить, где они находятся в тот или иной момент времени. Даже по понедельникам, на общих совещаниях, они появляются не все и не всегда. Видимо, заняты работой.

Можно иронизировать, но здесь дел у них хватает: самогонщики, алиментщики, семейные тираны и кухонные боксеры. Пока кого-то не убили и не изувечили, все они – их клиенты. А бесчисленные проверки и материалы – их тяжкий, бумажный крест.

Следствие. Высокомерное племя с высшим юридическим образованием, настоящие пасынки ОВД. Как ни всматриваются приемные родители, не разглядят в них родственные

черты. Издалека похожи, а присмотришься: просветы, шевроны, – все другого цвета. По службе, подчиняются собственному руководству, а еще сильнее – прокурору. Местным же видятся, как филиал адвокатской конторы при райотделе: законспирированными пакостниками под погонами!

Все время брюзжат. Кривые и левые материалы заворачивают. Скандалят, как всем кажется, на ровном месте. В их придирах всегда усматривают злой умысел, вредительство и отщепенство. Поэтому в любви и уважении им здесь отказано окончательно и бесповоротно.

Дознание. С натяжкой можно назвать недоследствием: работа та же, – только статьи помягче. Те же процедуры, кодексы на столе, то же благоговение перед прокурором, но отношение к ним иное. Никакой синевы. Просветы в погонах красные, подчиненность единая и прямая.

Вроде, известный орган, а в профиль-то видится совсем по-другому! Если коротко – они здесь свои. Сделают замечание, так к нему прислушаются. О чем попросят – выполняют без критики и оскорбительных подозрений.

ЭКО. Наука на службе правопорядка, а точнее, – прямо в его штате. Со всеми атрибутами умных людей: очками, лысынами, проницательным взглядом... и, при этом, в форме. Кроме перечисленного, отличаются от остальных удивительным свойством: пьют как все, а то и больше, но при этом не пьянеют! Природу этого феномена объяснить не могу. Возможно, дело в форме. Пьют они действительно не так, как все. То к мензурке приложатся или рюмку держат как-то по особенному, двумя пальцами на ножку. Может, в этом дело, а может в науке, которой они и здесь нашли применение.

Лощеными не выглядят, но всегда-то они спокойны, рассудительны, философичны. Зачем-то, им на дежурство выдают оружие. Действительно, зачем?

Работают всегда не спеша. Под чаек, кофеек, телевизор. И вот вопрос: каковы их показатели по службе? По разумению здорового на голову человека? Наверное, срок проведения экспертиз, количество, качество исследований... Да, есть такое. Но главный их показатель другой. И зная его, начинаешь смотреть на экспертов другими глазами. Оху... округлившимися. А вот, что за показатель, – не скажу. Потому, что иногда верить в сказки лучше, чем знать правду. Особенно, если изменить эту правду не дано.

И наконец-то он, самый любимый и родной сынок. Кратчайший путь к служебному росту и такой же короткий, – к полету в тар-тарары. Задиристый и неугомонный, ненаглядный уголовный розыск.

С него многое спрашивают и еще больше прощают. А сам он, не требующий ни большого ума, ни высшего образования, требует от работников главный полицейский контент: раскрываемость. Напутствует законом об оперативно-розыскной деятельности, снабжает стволом и ксивой, а дальше... Кто на что горазд.

Одни ловят науку на лету. Становятся, со временем, сыскарями от бога. Планируют хитроумные оперативные комбинации, вживаются в легенды и роли, терпеливо сидят в засадах.

Другие постигают иной дзен: дать задержанному под дых и раскрыть все на свете, не выходя из кабинета.

Редко эти подходы существуют порознь, – комбинируются, как приемы в ММИ. Просто, базовые техники у бойцов разные.

Макиавелли здесь не читали, но, что цель оправдывает средства, знают твердо и без лишней философии. Жестко исповедуют: цель – палки, средства – любые. Но, желательно, все-таки, без скандалов.

Конечно, это не все. Подразделений много и каждое достойно отдельной поэмы. Хочется описать их кратко, хлестко, ухватить самую суть. Но, увы, это невозможно. В реальности все гораздо сложнее, так что никаких слов не хватит и в тоже время, как ни странно, все проще и примитивнее любых, самых общих рассуждений.

На универсальной достоверности тоже не настаиваю. Так было здесь. Как у других – не знаю.

Из-за текучки и разобщенности, традиции редко заводятся в низовых подразделениях. Но тут одна прижилась: здесь помнили день, когда двери ОВД впервые открылись миру и ежегодно отмечали день рождения своего райотдела. Он, как раз, был сегодня.

Был в отделе и собственный мем: Лыткаринский маньяк.

Никто не помнил, откуда он взялся, потому что завелся маньяк давно, еще в девяностые.

Тогда в отдел, в бригаду по поимке серийного убийцы, был откомандирован какой-то опер. Опер как опер, но был он так повернут на маньяках, что поминал их по любому поводу. И вскоре, прозвище Маньяк прилипло к нему.

Потом, в разговоре, как-то выяснилось, что командировочный родом из Лыткарино, и к «маньяку» добавился топоним. Командировка закончилась и опер уехал, а Лыткаринский маньяк остался и зажил собственной жизнью.

К нему могли послать. Он, как хрен, все знал. Его вспоминали, когда что-то пропадало: было сперто или профукано. И конечно, грозной тенью, он стоял за всеми нераскрытыми преступлениями. От кровавых убийств до вброса левых платежей в почтовые ящики.

Сотрудники других райотделов называли Лыткаринскими маньяками всех местных полицейских. В ГУВД этим титулом жаловали каждого, вновь назначенного начальником ОВД. А когда что-нибудь случалось, то и сам отдел обзывали Лыткаринским, хотя, повторяю, никакого отношения к этому населенному пункту он не имел. Как Басманное правосудие, только в местном масштабе.

Впрочем, его шуточное значение было только для внутреннего пользования. Если о нем слышали посторонние, сотрудники многозначительно кивали, мол, да! Реально есть такой.

На первом этаже, над входом, висели портреты действующих министра и начальника главка в генеральских сюртуках. Под ними полицейский девиз: «Служа закону – служу народу!» Граждане, получается, должны здесь чувствовать себя обслуженными и в полной безопасности.

Внизу, шариковой ручкой, коряво дописано: «Сажать виновных, а не крайних!». Хороший слоган, достойный крупного штифта. В девизы только не годится. Скорее, в пожелания. Благие.

В холле, – стенд с фотографиями руководителей ОВД, от начала и до сего дня, всего семнадцать человек. Реально помнили последних четверых. Кем были остальные, из коллективной памяти истерлось.

Ныне отдел возглавлял полковник Сергей Николаевич Зотов.

Немало уже есть с приставкой «пост»: постиндустрия, постмодерн, постирония, постправда... Сергей Николаевич обладал качеством, которое можно, наверное, назвать постправственностью. Многое в ней было сродни двоемыслию. Но, последнее, все-таки, требовало от адептов насилия над собой. Волевого преодоления логики перед страхом расправы.

У полковника мысль раздваивалась безо всякого насилия. И не на страх, а на совесть. С одной стороны, он был искренне уверен, что выполняет важнейшую миссию по защите честных

граждан от преступных посягательств. Совершенно верное убеждение, наполнявшее жизнь Сергея Николаевича высоким смыслом истинного служения.

С другой стороны, источником посягательств, то бишь преступниками, он считал поголовно всех.

Взрослые были преступниками в силу зрелого возраста и активной фазы жизни. Дети были малолетними преступниками, в невинных шалостях которых угадывались черты будущих бесчинств. Старики были преступниками в отставке, видящими себя во сне молодыми и снова совершающими преступления.

Такого же мнения он придерживался и о своих подчиненных. Они были и боевыми товарищами, за которых не жалко отдать жизнь, и записными отморозками: в лучшем случае, халатными разгильдяями, в худшем – бандитами в погонах.

Из этого дуализма рождались его понятия о добре и зле, хорошем и плохом. Абсолютно невоспроизводимые, надо признаться.

Противоречие – залог развития, утверждали классики. С имеющимися противоречиями Сергей Николаевич развивался стабильно. И теперешняя должность, и звание полковника, суть, явления временные. Он и пост, как минимум, замминистра были созданы друг для друга.

К какому виду граждан относил себя сам полковник определить сложно. Точно можно сказать, что он был прирожденным руководителем, неглупым, внешне видным и подтянутым мужиком. Начальствовал в смешанной манере: когда надо – был демократом, когда не надо – автократом. А, иногда, и диктатором.

Сохранил остатки чувства юмора в количестве, позволятельном при его положении. Многое в своей системе не одобрял, но принимал как неизбежность и вплотную подошел к пониманию, что ответ на вопрос: «Кто виноват?» всегда ждет вопрошающего в зеркале.

Накануне, днем, Сергей Николаевич побывал на коллегии в главке. Днем, это весь день, с восьми утра до шести вечера, без перерыва. И до шести вечера было еще по-божески. Подобные мероприятия могли кончаться и за полночь.

Коллегия представляла собой разбор статистических данных: сколько зарегистрировано преступлений, сколько из них тяжких и нетяжких, раскрытых и нераскрытых и т.д. и т.п. Как это соотносится с прошлым отчетным периодом, аналогичным периодом прошлого года и прогнозным планом на следующий отчетный период.

Как прогноз отдельно взятого подразделения относится к среднему по региону и был ли прогноз по региону, сделанный в прошлом году выполнен в году текущем. Плюс, то же самое по месяцам, кварталам и полугодиям, а также по службам и подразделениям.

Может показаться, что это скучнейшее, серое мероприятие, во время которого участники переписываются в мессенджерах или кемарят под занудный бубнеж. Ничего подобного!

За разбором статистики следует персональный разбор и тогда точно бывало не до скуки.

Как описать этот разбор... вообразите, что на одной высокой, пронзительной ноте, на вас орут десять минут, двадцать, полчаса... Выволочка лишена внутренней структуры, а цензура полностью отсутствует.

Матом-перематом проходят не только по служебным вопросам, а вообще по всему: росту разбираемого, комплекции, манере одеваться и говорить, физическим достоинствам и недостаткам, родственникам до пятого колена в прошлом и такого же в будущем.

Задавая вопросы, сами же на них отвечают, потом цитируют, а потом еще и передразнивают!

И все это хором, часто невпопад. Например, когда начальник управления материального обеспечения выговаривает за низкую раскрываемость угонов, а зам начальника по следствию костерит за нечеткую вывеску на здании райотдела.

Иногда, по ходу, суют бумагу с ручкой и требуют немедленно писать рапорт об увольнении. В противном случае прокуратура, следственный комитет, уголовное дело и тюрьма чуть не в конце совещания.

Тяжелее всех приходилось тем, кого разбирали в конце. В плане накала страстей разницы не было. Отрабатывало руководство с утра до вечера на одном дыхании. Бедняги же сидели на иголках, слушали, как орут на других за пустяки и думали: Что же сделают со мной, при моих-то подвигах!

Не раз с совещаний увозили на скорой. Это считалось нормой и рабочими моментами.

Психологическая наука предлагает на такие случаи разную защиту: вообразить невидимый купол, магнитное поле, одностороннюю связь с источником раздражения. Чего-то в себя не впускать, отсекать, фильтровать... Проще говоря, отморозиться.

Хорошие советы. Но, с наукой спорить сложно, а с системой – невозможно в принципе. Отстоять с тупым лицом и посторонними мыслями в голове не удавалось никому. Поток ругательств был плотный, но, иногда, нужно было и ответить. Что б уж совсем потолок не упал или гром не поразил на месте.

Так что, отмораживаться не вариант. За ходом пьесы приходилось следить, морально в ней участвовать и даже, изредка, вставлять слово.

Некоторые надеялись добиться смягчения признанием вины и пытались упредить претензии, заранее во всем сознавшись и раскаявшись. Дохлый номер! Собственное признание – царица доказательств. А руководство не ставило задачей что-то доказать. Целью было проораться, поэтому явка с повинной в зачет не шла и к смягчению не приводила.

А один умник, на требование уволиться, схватил пишущие принадлежности и попытался сбежать. Типа, пошел рапорт писать. Не на тех напал, дурашка! Поймали за шиворот, бумагу с ручкой отобрали, и все продолжилось.

В общем, коллегия надо пережить.

Сергей Николаевич сидел и переживал. В очереди на разнос он был одним из «счастливых»: предпоследним, согласно номеру отдела.

Он чувствовал, что, по продолжительности взбучки, поставит сегодня рекорд. После общих нападков, непременно последует тема покойника. Злосчастного, расколотого черепа! И тогда фантазии просто не будет предела.

Около пяти настала его пора, и полковник взошел на трибуну, как на Голгофу. Презентация: «А теперь заслушаем начальника Лыткаринского ОВД!» прозвучала открытой угрозой и подтвердила его опасения. Хищные замы устремили на него кровожадные взоры, а генерал смотрел с каким-то оскорбительным снисхождением, мол, давай-давай, залетчик, бомби!

Глухим голосом, Сергей Николаевич доложил об основных показателях своего отдела. Даже те, что были неплохими, он зачитал виновато, с низко опущенной головой и пылающими

краской щеками. И вот, короткий доклад закончился, настало время обсуждения. Казалось, он слышал, как все они набрали воздух в легкие. Но, слово молвил сам генерал:

– Ты, вот что, Зотов. Начинать подбивать дела, будешь скоро их сдавать. На прошлой неделе у меня на приеме был Валежников. Депутат районной думы. В общем, на базе твоего отдела, запускается пилотный проект по выборам начальника ОВД всеобщим голосованием. С министерством инициатива согласована.

Я тоже считаю, – вопрос назрел. Не умеете находить общий язык с гражданами, значит, доверим выбор им самим. Тогда и с доверием к полиции проблем не будет.

Сергей Николаевич не мог поверить своим ушам: Гром его все-таки поразил! Спокойный, повседневный тон, которым это было сказано, лишь добавил жути словам генерала. Таким же тоном зачитывают в суде приговор.

Все внутри полковника сжалось и оцепенело. Вроде, умный человек... Хотя, ему простительно. Это ведь не сорока на хвосте принесла, а руководство главка объявило. При всех! И ни один мускул не дрогнул на генеральском лице.

Несчастный посмотрел на сидящих в президиуме. Они, похоже, были шокированы не менее него. Только начальник управления кадров облизал губы, чтобы скрыть за этим движением чуть промелькнувшую ухмылку. И эта легкая ужимка возвратила полковнику здравый ум: Ба, как можно повестись на такую ахинею!

Теперь задачей Сергея Николаевича было разыграть из себя убитого горем недоумка, для которого прозвучала самая страшная новость на свете. Подавив выдох облегчения, он стоял в позе приговоренного, опасаясь не выдержать и заржать.

Молодец, товарищ полковник. Сдержался!

Экзекуторы тоже молчали. Своим заявлением начальник главка ударил их по губам. Неудивительно: приговор прозвучал, по сути, смертный. А о чем выговаривать без пяти минут мертвецу? Не о чем.

– Присаживайся, Зотов, присаживайся. – подтвердил общее настроение генерал.

Сергей Николаевич сошел с креста без распятия, сел на место и от радости аж не знал, куда себя деть. Такой халавы ему во сне бы не приснилось!

Что это было? – думал он. Собственно, варианта здесь два: либо это искрометный генеральский юмор, от которого у подчиненных трещат чубы, либо старик просто пожалел начальника ОВД, на которого, в последнее время, и так сыпались шишки со всех сторон.

Но, чем бы это ни было... Это гениально! И достойно места в собственном цитатнике.

Досиживал Сергей Николаевич коллегия в расслабленных чувствах. Уже и самому хотелось вставить слово. За ним, по полной программе, отчитывали руководителя соседнего райотдела, который от волнения начал заикаться.

Что ты блеешь, зараза! Где профилактика рецидивных преступлений и семейного насилия?! – так и просилось слететь с полковничьих губ.

Наконец, замучены были все. Совещание закончилось, и Сергей Николаевич поехал к себе в отдел. Настроение у него было отличным. Он успевал на корпоратив, и шутка у него теперь заготовлена просто сногшибательная!

К приезду начальника, праздник уже начался, поскольку никто не знал, когда закончится коллегия и будет ли полковник в состоянии веселиться после нее.

Подчиненных он застал на третьем или четвертом тосте. То есть, они уже отъехали, но еще недалеко.

Торжество проходило на первом этаже, в просторном зале неустановленного назначения. В другое время, здесь складировали хлам, в основном, старую мебель. Но, один раз в год, помещение расчищалось, прибиралось и принимало в себе редкий, но колоритный сабантуй.

Сравнивая полицейский корпоратив с гражданским, надо отметить, что во многом они схожи, кроме некоторых деталей. Полицейский более зажат вначале и значительно развязнее в конце. Чёс и закуска у них брутальней, развлечения – примитивнее и жестче.

На первой рюмке наблюдается неловкость: подчиненные стесняются выпить быстрее начальников, а тем неудобно намахнуть вперед подчиненных. Совсем беда, если первым говорит любитель длинных вступлений. Горемыки по несколько раз подносят тару ко рту и опускают обратно. Общей же задачей является выпить первую синхронно.

Вторая заходит чуть более демократично. Начиная с третьей, демократия побеждает, далее перерастая в анархию.

Алкогольный напиток только один: водка. Дешевая. Сегодня она была вообще бесплатной, изъятая в количестве груженной ГАЗели сотрудниками ОБЭП. Паленая, но неплохая. А с учетом безвозмездности – просто шикарная.

Женское раннеалкогольное жеманство: «Ой, я водку не пью, я буду вино, хи-хи», обычное для гражданских, здесь не одобряется и не встречается.

Безалкогольный напиток тоже один: теплая Кока-Кола. Иногда пьют пиво, но только как аперитив, чтобы предварить им употребление основного ингредиента. Легальное обоснование: «Разминаю печень».

Готовить дома и приносить с собой закуску не принято. На столах раскладывают продукцию соседней лавашной: копченых кур, шаурму и хот-доги. Посуда используется одноразовая. Стаканчиков и вилок никогда не хватает. Салфеток всегда в избытке.

В почете квашеная капуста, но ее, обычно, забывают купить. Часто обходятся корейской морковью и спаржей.

Приводить на праздник посторонних – жесткий моветон. Членов семьи так же следует оставлять дома. Появление с гражданскими супругой/супругом воспринимается как вероломство и оскорбление коллектива. Впрочем, более из жалости к посторонним, чем по каким-то другим соображениям.

О развлечениях: все разговоры исключительно про работу. Анекдоты, приколы и байки крутятся вокруг или сводятся к служебным темам.

Залипание в смартфоне бесит. Самыми беспардонными способами, залипших возвращают в коллектив, приводя к общему знаменателю.

Пьют с удовольствием, начиная с пятой-шестой рюмки. Без учета слуха и голоса, собственноручно, как и везде. А вот танцы не очень популярны. Белый танец не объявлялся никогда.

В процессе могут совсем распоясаться: выпустить живую мышь под ноги бухгалтерам или вырвать чеку из учебной гранаты с криком: «Ложись!». Нечасто, но бывало, стреляли в потолок из табельного оружия. Тогда посиделки прекращались, а стрелок искал пятый угол в кабинете начальника.

Пытались здесь разыгрывать и более цивилизованные сценки. По должности, за них всегда отвечал зам начальника по тылу. Разные люди на этом посту подходили к поручению поразному. Нынешний недавно перевелся в отдел и был, в этом плане, темной лошадкой. Сейчас

он отсутствовал и народ решил, что ответственный забил на свою обязанность. Забегая вперед скажу: они ошибались.

Реальный трэш происходил, обычно, в конце. Что это будет сегодня, угадать невозможно, так как готовых сценариев не существует. Универсальна только подводка: некто устает и засыпает. Не лицом в салате, – салатов тут не подавали: просто, где и как придется.

Потом, в результате внешнего воздействия, приходит в чувства, но не в себя. И тогда – ой, мама дорогая!

В прошлом году, под занавес, задремала инспектор отдела ПНД Валентина Петровна, одинокая женщина среднего возраста. Чуть не в себе, но по-доброму. В хулиганстве и разнузданности, до этого, замечена не была.

Она положила под щеку тонкий, армянский лаваш и забылась. Кстати, лаваш – интересный вариант. Очень приятный к телу, как фланель или короткий бархат. Если подложить под него более толстый, азербайджанский, вполне сойдет за подушку.

На музыкальном центре поставили сборник саундтреков к кинофильмам Квентина Тарантино. Дикие, по его мнению, семидесятые наполнили зал характерной музыкой.

Дошло до композиции «After Dark», звучавшей в фильме «От заката до рассвета», в эпизоде с Сэлмой Хайек, когда она засунула Тарантиновский фетиш – свою ногу – ему в рот и, от бедра, заливала туда спиртное.

Музыка была медленной и мелодичной, народ расслабленным и довольным. Мужчины и женщины сально поглядывали друг на друга: нелюбимый здесь Белый танец, возможно, все-таки состоится!

Сидевшая рядом с Валентиной Петровной коллега участливо пихнула ее локтем в бок, мол, не спи! Все пропустишь! И она (О боже!), проснулась...

Поднялась из-за стола и, как замороженная, стала медленно двигаться в такт музыке. Пластика была потрясающей!

Разум к ней не спешил, но, в каких-то отделах головного мозга, нарастало явное возбуждение. Выйдя на оптимальные амплитуды, она сбросила туфли и легко запрыгнула на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.